

В теплой спальне на широкой кровати высокий и статный красавец-альфа прижал своего омегу к постели.

Не обращая внимания на сопротивление Ся Минчао, Цинь Хуайшан крепко перехватил его запястья, осыпал поцелуями изящные ключицы, припал к мягким губам, а затем, подобно дикому зверю, помечающему свою территорию, со злостью и собственническим инстинктом впился зубами в железо Ся Минчао, вновь оставляя на нем свою метку.

Когда едва уловимый аромат чужого альфы, исходивший от тела Ся Минчао, наконец был полностью перекрыт его собственным, и от омеги повеяло лишь его феромонами, Цинь Хуайшан наконец удовлетворенно поднял голову.

Однако он увидел, что глаза Ся Минчао покраснели, по щекам одна за другой катились прозрачные слезы, а сам он, до крови закусив губу, молчал.

Цинь Хуайшан тут же запаниковал:

— Прости, прости...

Он никогда раньше не был так груб и не принуждал никого к близости. Но что-то нашло на него: в машине, учуяв запах женщины-альфы, он едва сдержал раздражение, а когда понял, что Ся Минчао собирается спать в другой комнате — очевидно, из-за этого своего друга детства, — он просто потерял контроль.

— Думаешь, извинения что-то изменят?! — Ся Минчао, чья железа ныла от боли и странного онемения, побледнел и в ярости уставился на Цинь Хуайшана.

— Ты что, с ума сошел?

После того как омегу повторно пометили, он не мог совладать с невольной зависимостью от альфы, и наружу вырвались капризы и дурной характер.

Заметив, что Ся Минчао, который только что пытался сдерживаться, теперь вдруг начал по-хозяйски и гневно отчитывать его — и все из-за этого извинения, — Цинь Хуайшан помрачнел.

Он ненавидел то, как метка усиливает влияние альфы на омегу! Это выставляло его самого в каком-то слабом свете.

Цинь Хуайшан уставился на него:

— Я не сошел с ума. Ты, наверное, не знаешь, что бар, в который ты сегодня ходил, только снаружи кажется обычным, а на деле там творится полный хаос. После полуночи все двери в

номерах распаиваются, и вполне вероятно, что какой-нибудь пьяный альфа вломится к тебе, чтобы силой утащить и присвоить, или же какой-нибудь наглец сам заявится с предложением провести ночь.

— Ты, омега, словно ягненок, забрел в волчью стаю. Это опасно.

Цинь Хуайшан, раздираемый тревогой и гневом, вспомнил, как нежно и заботливо этот друг детства обхаживал Ся Минчао, и внутри все закипело. Что хорошего в этой вертлявой женщине-альфе?

Ся Минчао взглянул на него, словно видя насквозь. Цинь Хуайшан стоял с чернее тучи лицом, рассуждая об опасностях того места, хотя было очевидно, что на самом деле он просто поливает грязью Хэ Яньянь.

— Какая опасность? А ты? Ты ведь тоже туда пришел один. Хэ Яньянь меня защитит, чего ты боишься? — Ся Минчао сел на кровати, совершенно не приняв его слова всерьез. — Она не даст меня в обиду. В такие места она водит меня лишь ради интереса, самое позднее в десять вечера мы уже уходим.

— Я как раз и боюсь, что этот твой дружок к тебе неровно дышит! — Цинь Хуайшан почернел от ревности, видя, как безгранично Ся Минчао доверяет Хэ Яньянь. По одному тому, как она, будучи альфой, обнимала Ся Минчао за плечи, было ясно, что она та еще штучка.

Ся Минчао усмехнулся и небрежно бросил:

— О!

— Что значит о! Тот, кто приносил вам чай, видел, как она хотела тебя поцеловать!

Цинь Хуайшан, который нанял человека следить за ними, даже не понял, что только что себя выдал.

— Не наговаривай на нее, — отрезал Ся Минчао. — Если бы она хотела меня поцеловать, она бы сделала это открыто.

В конце концов, Хэ Яньянь с самого детства не скрывала, что ей нравится его лицо, и он уже давно сбился со счета, сколько раз она его целовала. Но с тех пор, как они повзрослели, подобных вольностей больше не было. В детстве они были несмышлеными, а став старше, научились соблюдать приличия. Поэтому он прекрасно понимал: каждый раз, когда она его целовала, это была лишь симпатия к его внешности. Даже сейчас, когда она постоянно болтает о том, чтобы завести детей или жениться на нем, в их дружбе нет ни капли романтики.

Услышав последнюю фразу, Цинь Хуайшан чуть не задохнулся от ярости:

— Открыто поцеловать?! Я запрещаю! Ты теперь мой! Держись подальше от других альф! И вообще, впредь, если соберешься в бар, звони мне, я составлю тебе компанию!

— Не нужно, со мной друзья, — Ся Минчао не понимал, что на него нашло, почему он вдруг ведет себя так, будто безумно в него влюблен.

Цинь Хуайшан язвительно отозвался:

— Под друзьями ты имеешь в виду ту самую подружку? Неужели ты так сильно любишь эту женщину-альфу? Не забывай, что ты принадлежишь мне! — На его красивом, привыкшем к легким интрижкам лице застыло холодное выражение. — У тебя теперь есть семья. Я — твой альфа. И впредь, кроме как со мной, я не позволю тебе ходить в такие сомнительные места с другими альфами. Если посмеешь изменить, я сломаю ей ноги!

— ...! — Псих!

Услышав последнее, Ся Минчао лишь холодно посмотрел на него. Хэ Яньянь, конечно, любит его, но дальше шуточек дело никогда не заходило, она никогда не ставила его в неловкое положение. Нет дружбы чище, чем их отношения. Даже если солнце взойдет на западе, Хэ Яньянь не сделает того, что ему неприятно, — в этом он был уверен.

Какое право этот негодяй Цинь Хуайшан имеет угрожать ей? Ся Минчао смотрел на него ледяным взглядом, атмосфера в комнате стала морозной.

— Значит, тот, кто приносил чай, видел, как Хэ Яньянь хотела меня поцеловать? — Он попытался восстановить события в памяти. Когда постучали в дверь, он сидел в кресле у окна, а Хэ Яньянь стояла позади, наклонившись и положив голову ему на плечо, лениво указывая пальцем на огни города: Смотри, это империя, которую я сегодня для тебя завоевала.

— То есть, человек, принесший чай, был твоим шпионом? Ты что, притворялся пьяным? — неожиданно спросил Ся Минчао. Неужели отвар от похмелья действует так быстро, что человек, еще минуту назад бывший в стельку пьяным, вдруг стал как огурчик? Он пристально, с недоверием вглядывался в его лицо.

Цинь Хуайшан, только что с жаром доказывавший свою правоту, застыл. Черт... Слишком увлекся допросом и забыл, что нужно притворяться пьяным.

Ся Минчао бросил на него холодный взгляд, заметив и оцепенение, и виноватый блеск в глазах. Набравшись сил, он схватил подушку и направился к выходу.

Цинь Хуайшан, проваливший свой спектакль с пьянством, чувствующий свою неправоту и при этом совершивший принудительную метку, не посмел больше издать ни звука и беспомощно смотрел, как омега уходит.

В пустой спальне стало совсем тихо. Он прошипел сквозь зубы:

— Идиот.

Совсем сглупил. Как он мог так опростоволоситься? Но тут он увидел, что Ся Минчао, уже вышедший за дверь, вдруг вернулся.

На лице Цинь Хуайшана мгновенно расцвела улыбка, в персиковых глазах вспыхнуло торжество: ну конечно, он неотразим, даже если омега злится, все равно вернется.

Но Ся Минчао, войдя, даже не взглянул на него, а направился прямо к шкафу. Цинь Хуайшан поспешно спросил:

— Что ты делаешь?

Ся Минчао посмотрел на него как на умалишенного, сжимая в руках пижаму и подушку:

— Раз уж ты не пьян, иди помойся сам. От тебя разит спиртным и духами, просто невыносимо.

Самодовольная улыбка Цинь Хуайшана сменилась гримасой досады, когда он увидел на лице омеги явное отвращение. Ся Минчао снова ушел.

Через мгновение из закрывшейся спальни донеслось глухое:

— Черт.

Темная ночь, звездное небо, за окном стрекочут насекомые.

Ся Минчао лежал в гостевой спальне, ворочаясь с боку на бок. Он не мог уснуть не только из-за того, что Цинь Хуайшан его обманул, но и потому, что всегда плохо спал на новом месте.

Он что, совсем с ума сошел? Главная спальня — его комната, почему он так покорно сбежал в гостевую? Нужно было выставить Цинь Хуайшана за дверь! Это ведь его кровать, на которой он так долго спал.

В коридоре Цинь Хуайшан стоял у двери, прижавшись ухом к дереву, слушая шорохи внутри, а затем медленно побрел вниз.

Вдруг раздался стук. Ся Минчао, босой, поднялся с кровати и отпер замок.

На пороге стоял робот-помощник с подносом, на котором дымилась чашка молока.

— Хозяин, — раздался механический голос маленького Си.

— Что ты делаешь? — спросил Ся Минчао.

Маленький Си моргнул своими глазками-бусинками:

— Я услышал, как хозяин ворочается в постели. Система проанализировала, что вы взволнованы, и пришла к выводу, что стакан теплого молока поможет вам уснуть.

Неужели систему обновили? Он стал таким умным и человечным, начал проявлять заботу сам, без приказов. В глазах Ся Минчао промелькнула радость. Маленький Си был с ним уже много лет, это был его первый робот, и даже когда микросхемы изнашивались, Ся Минчао предпочел перенести его программу в новое тело, а не выбрасывать.

Его взгляд смягчился:

— Спасибо. А почему чашки две?

— Хозяин Цинь Хуайшан тоже не может уснуть, вторая чашка для него.

Ся Минчао помрачнел и безразлично взял обе чашки:

— Ему не нужно. Цинь Хуайшану молоко не требуется.

Лжец, подлец, ему ничего не нужно.

— Слушаюсь, хозяин.

В глазах маленького Си проскочила искра синего тока. Отношения между людьми такие сложные: еще недавно хозяева Ся Минчао и Цинь Хуайшан спали в одной постели, а сегодня вдруг разъехались.

— Иди на зарядку, — сказал Ся Минчао и, глядя на робота, легонько подтолкнул дверь ногой.

В тот момент, когда он обернулся, он о чем-то задумался. Странно. Он ведь сам отправил Си в режим ожидания, и без команды никто не должен был его активировать. Робот не мог сам следить за тем, что происходит в комнате.

В главной спальне Цинь Хуайшан увидел, как Си возвращается с пустым подносом, и уголки его губ поползли вверх.

— Он забрал обе чашки?

— Да, хозяин Цинь Хуайшан.

Си было сложно понять, почему хозяин Цинь Хуайшан, приказав ему отнести молоко Ся Минчао, попросил сказать, что это он сам услышал шорохи и решил проявить заботу. Но так как это не причиняло вреда его главному хозяину, Ся Минчао, это не нарушало Первый закон робототехники. Маленькая ложь ради крепкого сна хозяина — Си решил подчиниться.

— Возвращайся в режим ожидания, ты хорошо справился. — Цинь Хуайшан погладил робота по пушистой голове.

Его взгляд скользнул в сторону гостевой спальни. Дверь, которая была плотно закрыта, теперь приоткрылась на узкую щелочку.

Как только Цинь Хуайшан закончил говорить, дверь снова тихо захлопнулась.

Ся Минчао прислонился спиной к двери, глядя на две чашки молока. Его мысли были в смятении: что же на самом деле творится в голове у этого Цинь Хуайшана?

Не желая переводить продукты, он выпил обе порции. В голове крутились мысли о них с Цинь Хуайшаном, и в конце концов он провалился в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/20013/1974797>